

Школа № 8 всегда жила под девизом: «Цени время, будь стойким, твори». Даже в суровых, зажатых в тиски экзаменов старших классов руководство умудрялось устраивать для ребят всевозможные отдушины. Чего здесь только не проводили: от мелких дебатов и недель безопасности до полноценных футбольных турниров, фестивалей искусств и вокальных конкурсов. Администрация делала всё, чтобы раскрыть потенциал каждого ученика.

— Даже если у кого-то из ребят нет явных академических талантов, они обязательно проявят себя в чём-то другом, — любил повторять на торжественных линейках директор учебной части Лян Чэндун. — Главное — иметь волю и верить в свои силы, и тогда успех неизбежен.

Новогодний праздничный вечер был одной из самых любимых традиций. По заведённому порядку, в первой половине дня шли обычные уроки, а после обеда бразды правления переходили к ученикам. Впрочем, устоять перед искушением похрустеть вкусностями и поглазеть на выступления одноклассников было выше человеческих сил. Обычно уже к началу второго или третьего урока усидеть на месте становилось решительно невозможно.

Как выразилась бы учительница китайского: «Телом сидят за партами, а мыслями давно витают в облаках».

Фэн Чжоу, низко склонившись над тетрадью, сосредоточенно выводил термохимическое уравнение, как вдруг до его носа донёлся дразнящий, умопомрачительный аромат еды. Он принялся и недовольно уставился на парту впереди, где Юй Шаочунь и Тан Цянь, согнувшись в три погибели, занимались чем-то явно незаконным.

Фэн Чжоу покосился на Тань Юаньчжао, который всё ещё увлечённо чертил что-то на доске, и подался вперёд:

— Вы чем там заняты?

Тан Цянь от неожиданности вздрогнул всем телом и чуть было не вскочил, готовый с ходу зачитывать явку с повинной. Юй Шаочунь больно ткнул его локтем в бок:

— Да имей ты хоть каплю гордости!

— Чёрт, — пробормотал Тан Цянь, переводя дух. — Отличник Фэн, ты пугаешь до полусмерти.

Юй Шаочунь приподнял небольшую миску, сиротливо примостившуюся на стопке учебников между их партами, и продемонстрировал её Фэн Чжоу:

— Мы тут хотпот варим.

Фэн Чжоу озадаченно оглядел пластиковую посудину:

— Саморазогревающийся?

— Моей собственной модификации, — с гордостью поправил Юй Шаочунь, аккуратно снимая крышку. — Греется дольше, порция больше, удовольствия — выше крыши.

Он ловко подцепил палочками полупрозрачную лапшину. Тан Цянь, у которого от аппетитного запаха уже глаза загорелись голодным блеском, потянулся было к миске, но Юй Шаочунь бесцеремонно его отодвинул, наградив предостерегающим взглядом. Он опустил лапшу обратно и выловил сочный мясной шарик:

— Сначала Отличник Фэн.

— Где справедливость?! — шёпотом взвыл Тан Цянь. — Кто таскался с тобой по магазинам? Кто помогал кашеварить? Босс Юй, у тебя совесть вообще есть?

Юй Шаочунь проигнорировал жалобные излияния друга и протянул палочки Фэн Чжоу:

— Острую пищу переносишь?

— Немного могу.

Юй Шаочунь заботливо подул на исходящую паром тефтельку, прежде чем предложить её парню. Фэн Чжоу наклонился и откусил половину. Оказалось, это был говяжий шарик с сочной, тающей во рту начинкой.

А ведь и правда вкусно.

Тем временем умопомрачительный аромат от их парты уже разнёсся по всему классу. Одноклассники начали заинтересованно оборачиваться, принохиваясь. Ли Гохао замахал рукой с передней парты:

— Эй, народ! Делиться надо! Шер, как говорится!

Тан Цянь торопливо выудил ломтик лотоса, а Юй Шаочунь передал миску парням впереди. Руководствуясь негласным правилом «дают — бери», сосед мгновенно утащил кружок картофеля и передал добычу дальше.

В итоге скромная порция обошла чуть ли не полкласса. Когда миска наконец допутешествовала до Ли Гохао, в ней сиротливо плескался один лишь бульон.

Тот упрямо поковырялся палочками на дне, но смог выудить лишь пару сиротливых, скользких

ниточек лапши. Как раз в этот момент Тань Юаньчжао дописал формулу на доске и обернулся. Его взгляду предстал Ли Гохао, с выражением глубочайшей скорби созерцающий пустую посудину.

Учитель отложил мел, отряхнул ладони и негромко заметил:

— Вы бы хоть поскромнее себя вели, аромат на весь кабинет стоит. Пожалейте чувства тех, кому не досталось. Вон, Тай Мэй мирно спал, так вы его запахами своими доконали.

Тай Мэй, только-только вырвавшийся из объятий Морфея, удивлённо затормозил взглядом, не понимая, с чего вдруг все на него уставились:

— А? Что случилось?

Тань Юаньчжао прекрасно понимал, что грызть гранит науки сегодня никто не настроен. Недолго думая, он отпустил класс на десять минут раньше, разрешив заняться украшением кабинета.

Лу Сяонань протиснулась сквозь ликующую толпу одноклассников и с любопытством спросила:

— Учитель Тань, а вы сегодня выступаете?

Речь шла о праздничном концерте учителей — традиционном сюрпризе, который администрация ежегодно готовила для ребят.

Лицо Таня Юаньчжао мгновенно окаменело. Он неловко почесал затылок:

— Выступаю... Но, честно говоря, губы особо не раскатывайте.

Культорг класса поднялась на кафедру и зычным голосом скомандовала сдвинуть парты к стенам, а стулья выставить полукругом впереди. Несколько столов оставили в самом центре — их застелили белой скатертью и накрыли плёнкой. Лу Сяонань объявила, что позже здесь будут лепить пельмени.

Раздобыв где-то старый учительский рупор, Лу Сяонань попыталась утихомирить разгулявшуюся толпу. Она быстро распределила обязанности: одних отправила развешивать гирлянды и шары на доске и окнах, а девчонок усадила собирать праздничные мешочки с угощениями для учителей-предметников. Юй Шаочунь, держа под мышкой новогодние парные надписи и иероглифы «счастье», лениво подпирал дверной косяк, изредка подсказывая одноклассникам, как завязать ленточки покрасивее.

Содержимое этих мешочков — отборные орехи и дорогие конфеты — лично закупала госпожа

Шэнь Инъин, мама Юй Шаочуня. В наборы для учительниц она к тому же вложила по флакончику нишевого парфюма в миниатюре. Оформлено всё было настолько изысканно, что у подарков других классов просто не оставалось шансов.

Принимая коробки, Лу Сяонань благоговейно выдохнула:

— Босс Юй, ты буквально ангел, ниспосланный нам небесами!

Тот лишь небрежно отмахнулся:

— Да ладно тебе, пустяки. Будет нужна помощь — только свистни.

Проходивший мимо Фэн Чжоу съязвил:

— Что, наш павлин опять хвост распустил?

Юй Шаочунь проследил за ним взглядом и заглянул в класс. Фэн Чжоу уже успел забиться в самый дальний угол с учебником в руках, всем своим видом показывая, что предпраздничная суэта его не касается. Шаочунь на секунду задумался, а затем окликнул его:

— Отличник Фэн!

Тот оторвался от книги и недоумённо изогнул бровь.

— Иди сюда, помоги наклеить праздничные надписи! Надо посмотреть со стороны, ровно ли получается.

Фэн Чжоу нехотя отложил книгу, вышел через заднюю дверь и встал у него за спиной. Юй Шаочунь взгромоздился на стул и прижал бумажную ленту к дверному косяку:

— Ну как? Ровно?

— Левее бери.

— А так?

— Теперь чуть правее.

— Да ну, мне кажется, сейчас в самый раз, — Юй Шаочунь слегка отклонился назад, оценивая результат.

Фэн Чжоу скептически прищурился:

— Не веришь — клей сам как знаешь.

— А по-моему, Отличник Фэн дело говорит, — вклинился проходивший мимо Тан Цянь. — Реально надо правее сдвинуть.

Юй Шаочунь вздохнул и послушно подвинул бумагу:

— Ладно, уговорили. Здесь оставляем?

Не успел Фэн Чжоу ответить, как ему в рот бесцеремонно запихнули что-то сладкое и сочное.

— На, зацени персик, — раздался бодрый голос Лу Сяонань, которая шла мимо с открытой банкой консервированных фруктов. — Ешь, пока нормальный. Скоро девчонки превратят его в форменное безумие.

Юй Шаочунь прыгнул со стула, округлив глаза:

— И что вы задумали сотворить с ни в чём не повинным персиком?

— У нас тут конкурс намечается. Проигравшим достанется «секретное блюдо», — Лу Сяонань заговорщически кивнула на кучку девчонок в углу, колдовавших над какой-то адской смесью. — Только между нами: они туда льют спайт, уксус и соевый соус.

— Да ладно! — возмутился Юй Шаочунь. — Банка за восемьдесят юаней пошла на это ваше кулинарное убожество?

— Ой, да ладно тебе, Босс Юй у нас щедрый, ещё купит, — фыркнула Лу Сяонань и лукаво повернулась ко второму парню: — Отличник Фэн, как тебе? Вкусно?

— Вполне, — прожевав, ответил тот.

— Тогда держи ещё кусочек.

Юй Шаочунь ловко перехватил её руку с вилкой:

— Если Отличник Фэн захочет персиков, он ко мне в гости придёт и наестся. А эту отраву оставь для своих пыток.

Фэн Чжоу не успел вставить и слова, как его бесцеремонно уволок за собой Ли Гохао. Затащив парня обратно в класс, он указал на растянутый над доской транспарант:

— Отличник Фэн, оцени своим намётанным глазом перфекциониста: ровно висит?

Фэн Чжоу пригляделся. На кумаче красовались размашистые иероглифы: «Раскатаем первый класс, нагнём третий, с Новым годом!».

—... А вы дерзкие.

— Как Новый год встретишь, так его и проведёшь, — хохотнул Ли Гохао. — Начнёшь с дерзости — будешь весь год на коне.

Мимо пробежал парень с охапкой воздушных шаров. По пути он всучил им по горсти очищенных лесных орехов:

— Держите, умыкнул на раздаче подарочных мешочков. Ешьте молча, пока лавочку не прикрыли.

Ли Гохао с хрустом разжевал парочку и заговорщически прошептал:

— Слушай, а ещё притащить сможешь? Очень уж хороши.

Добытчик сокрушённо вздохнул и покачал головой:

— Всё подчистую вымели, даже семечки закончились. Остались только фисташки, но они какие-то странные... Кажется, со вкусом васаби.

Не успел Фэн Чжоу поблагодарить парня, как его уже звал Тан Цянь — оценить, симметрично ли висит гирлянда на окне.

Собственный перфекционизм, который Фэн Чжоу всегда считал невыносимо занудным и раздражающим свойством характера, внезапно оказался нарасхват. Это сбивало с толку и одновременно приятно согревало душу.

Гул в кабинете стоял такой, что докричаться до кого-то было невозможно. Поняв, что спорить бесполезно, Фэн Чжоу просто закатал рукава, влез на шаткую баррикаду из сдвинутых парт и стульев и влился в ряды декораторов.

Юй Шаочунь зашёл в класс с охапкой стаканчиков свежего молочного чая и замер. Фэн Чжоу в компании ещё нескольких парней, прижавшись к стене, ожесточённо спорил, какая гирлянда

смотрится выигрышнее: красно-серебряная или красно-золотая. На душе у Шаочуня потеплело. Он довольно улыбнулся и громко крикнул:

— Слушайте меня! Зелёный туда бахните, будет пушка!

— Дебил! — хором отозвалась честная компания.

Вдруг на висящем под потолком экране телевизора началась трансляция праздничного концерта. Камера плавно скользнула по сцене и выдала крупный план Таня Юаньчжао.

Учитель стоял бледный как полотно, от волнения его мелкие кудри мелко-мелко подрагивали. Ребята из второго класса мгновенно побросали свои дела и дружно взвыли от восторга, изо всех сил поддерживая классного руководителя. От этого неистового рёва активист из школьного медиацентра, как раз заглянувший в дверь с фотоаппаратом, испуганно вздрогнул и едва не выронил дорогую технику.

Кадр сменился, явив зрителям Тай Мэя и ведущую-девчонку.

Тай Мэй ещё в прошлом месяце прошёл жёсткий отбор в ведущие школьных мероприятий. С его смазливой внешностью и безупречной дикцией у других кандидатов просто не было шансов.

Держался он куда увереннее своего классного руководителя. Направив микрофон к залу, парень звучным, поставленным голосом объявил:

— А теперь на сцену приглашаются учитель Тань Юаньчжао, учитель Ван Сяовэнь, директор учебной части Лян Чэндун и секретарь комитета комсомола Тянь Лу с шуточными куплетами «саньцзюбань» — «А ты сегодня занимался?»!

Фэн Чжоу с трудом сдерживал улыбку, наблюдая за Тань Юаньчжао. Тот буквально излучал панику и то и дело косился на стоящую рядом учительницу музыки Ван Сяовэнь. С таким языком тела скрывать чувства было бесполезно — ещё пара подобных взглядов, и вся школа узнает, что между классным руководителем вторых и «музыкантшей» крутится роман.

Первым вступил директор Лян Чэндун, лихо ударив в барабан:

— С химией забудь покой!

Следом зазвенела тарелками Тянь Лу:

— Слов английских — ни в одной!

Учительница музыки Ван Сяовэнь звонко хлопнула в литавры:

— Петь мешает профиль твой!

И Тань Юаньчжао со всей силы бахнул в гонг:

— Ой, отстой!

Стоило квартету закончить первое четверостишие, как они сами не выдержали и прыснули со смеху прямо на сцене.

Кабинет буквально взорвался хохотом. Особенно всех повеселил Тань Юаньчжао, который от жуткого мандража молотил по гонгу с такой неистовой силой, что звон, казалось, заглушал динамики.

Ребята замерли, кто где стоял: кто на стульях с гирляндами в руках, кто прямо на партах. Все заворожённо смотрели на экран, где кривлялся их любимый классрук. Красно-золотые и серебряные ленты змеились по кабинету, переплетаясь в руках учеников ярким праздничным узором.

Фэн Чжоу засмотрелся на эту картину, и на душе у него сделалось как-то странно.

Он и сам не заметил, как легко и естественно стал частью этого шумного балагана. Будто его привычный, тусклый чёрно-белый мир внезапно, капля за каплей, начал наливаться сочными красками. Сперва робко, а затем стремительно и беспощадно это буйство цвета затопило и раскрасило все его унылые семнадцать лет жизни.

Ему до боли захотелось сфотографировать этот момент. Запечатлеть его в памяти навсегда. И если вся эта тёплая, цветная сказка окажется лишь короткой вспышкой...

...то хотя бы, глядя на старый снимок, он сможет вспомнить, каково это — жить в ярком, цветном мире.

<http://bllate.org/book/19050/1979656>